потому, говоритъ церковь, всего лучше презирать ее, жить, какъ живется, молиться и вѣрить въ жизнь будущую, блаженную и вѣчную.

По мѣрѣ изученія евангелій, смыслъ ученія Христа все болѣе выяснялся предъ Толстымъ. Ему казалось неизбѣжнымъ предпочесть одно изъ двухъ: или ученіе Христа, разумное, ясное, дающее спасеніе, или же прямо противоположное ученіе церкви. Онъ старался смягчить свое разногласіе съ церковью, но это не удалось ему. Когда работа надъ евангеліями была окончена, то отъ ученія церкви у него не осталось ничего. Онъ убѣдился, что церковное ученіе, хотя и называетъ себя христіанскимъ, есть та самая тьма, противъ которой боролся Христосъ и велѣлъ бороться своимъ ученикамъ. Нравственная сторона въ ученіи Христа оставлена церковью безъ вниманія; ученіе же метафизическое съ многочисленными обрядами, все болѣе отклоняясь отъ своего основного смысла, доходитъ до того, до чего дошло теперь: оно объясняетъ тайны жизни небесной, недоступныя человѣческому разуму, поддерживаетъ очень сложные обряды богослуженія, но не даетъ никакого религіознаго руководства для земной жизни. Со временъ Константина христіанская церковь не требовала никакихъ добрыхъ поступковъ отъ своихъ членовъ; она даже не заявляла требованій воздержанія отъ чего бы то ни было; она признала и освятила все, что было въ языческомъ мірѣ: и разводъ, и рабство, и суды, и войны, и казни. Уступивъ міру, церковь пошла за нимъ. Кончилось тѣмъ, что христіанскій міръ началъ жить хуже язычниковъ, а церковь стала не только оправдывать эту жизнь, но и утверждать, что въ этомъ и состоитъ ученіе Христа. Въ результатѣ случилось то, что всѣ живыя силы европейскаго міра отпали отъ церкви; онѣ построили свою жизнь независимо отъ церкви. Всѣ крупныя перемѣны въ общественномъ строѣ совершились внѣ ея вліянія. Помимо церкви были уничтожены рабство, религіозныя казни, свѣтская власть папъ. Государственныя учрежденія прямо таки забываютъ о существованіи церкви; является смѣшною самая мысль о томъ, чтобы церковь могла быть основой суда или собственности. «Жизнь не имѣетъ другого отношенія къ церкви, кромѣ презрѣнія, пока церковь не вмѣшивается въ дѣла жизни, и ничего, кромѣ ненависти, какъ только церковь пытается напомнить ей свои прежнія права». «У церкви ничего не осталось, кромѣ храмовъ, иконъ, парчи и словъ» [1]).